

А.В. Кобеляцкий

Успеть спросить о прошлом

Александр Валерьевич Кобеляцкий — журналист-фрилансер, историк по образованию. Соавтор книг «Ивановы. История знаменитой спортивной семьи» (2017), «Люди 1920-х годов. Вопреки утопии» (2024). **Электронная почта:** kobe2001kobe@yandex.ru.

Аннотация: Авторский взгляд на возникший интерес к мемуарам людей, принадлежащих к различным общественным группам. Подчеркивается важность сохранения рукописного и устного наследия предшествующих поколений как для потомков семьи автора, так и для историков. Высказывается предположение, что интерес к прошлому — свойство зрелых граждан, набравшихся жизненного опыта. Дается оценка опубликованных в журнале «Пути России» (2024, №1) воспоминаний Анатолия Козлова, Елены Дмитриевой, Бориса Галицкого и Тамары Григоренко.

Ключевые слова: эго-документы, семейная история, повседневная жизнь, воспоминания, дневники, журналистика, Москва, мемуары.

Для цитирования: Кобеляцкий А.В. Успеть спросить о прошлом // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 45–49.

Когда меня попросили высказаться об опубликованных в прошлом номере журнала «Пути России» воспоминаниях, я поначалу хотел отказаться. Действительно, что может добавить к мнению более достойных и знающих ученых мужей бывший журналист с некоторым опытом книгоиздания?! Однако, поразмыслив, решил взяться за работу. Профессия журналиста сродни работе историка-биографа. Ему постоянно приходится иметь дело с людьми, их прошлым и настоящим: брать интервью у незнакомых персон, выяснять подробности их прошлого, работать с историческими источниками. Для любого профессионального журналиста обязательен живой интерес к людям. Впрочем, у меня было некоторое преимущество перед коллегами — навыки, приобретенные в ходе работы под руководством профессора Николая Ивановича Павленко. Я защищал у него диплом о жизни одного из «птенцов гнезда Петрова».

Мы живем в эпоху микроисторий, сторителлинга, подкастов и клипов, где главное — эмоции и эмпатия героев или собеседников. Наряду с официальными документами, личной и служебной перепиской, печатными изданиями, воспоминания непосредственных участников событий давно занимают достойное место в корпусе исторических источников. Их можно сравнить с яркими нитями, которыми исследователь расцвечивает грубую ткань документального повествования. Конечно, эти нити можно спутать или просто порвать — такое уже бывало прежде. Зато современный уровень развития техники дает больше возможностей для сохранения памяти о былом. Если не на каком-то далеком облачном сервисе, то в виде изображений, аудио- или текстовых файлов домашних компьютеров. Про бумагу тоже забывать не стоит.

На верхнем ряду одной из наших книжных полок стоят трехтомные мемуары Никиты Хрущева. Добросовестно их прочитал, но не уверен, что когда-либо вернусь к ним в поиске истины. А вот блокадные дневники простых ленинградцев вновь и вновь приковывают к себе внимание, поскольку рассказывают о стойкости людей, повествуют о высотах и безднах человеческого духа.

Признанных гигантов среди мемуаристов — раз-два и обчелся. Авторов знаменитых дневников и того меньше. Сразу приходят на ум знаменитые братья Гонкуры и Жюль Ренар, англичанин Сэмюэль Пипс, наши соотечественники — Лев Толстой, Дмитрий Милютин, Владимир Теляковский. В довоенный советский период ведение дневника становится опасным — он может оказаться важным оружием в допросном арсенале «товарищей» из ЧК / ГПУ / НКВД. Так случилось, в частности, с дневником вернувшегося из Харбина «сменовеховца» Николая Устрялова, который убедил себя в конечной победе большевизма. Следовательно подчеркнул в нем записи, указывающие на местоположение дачи Сталина. Дневник Корнея Чуковского в 1930-е годы утрачивает яркость, присущую ему десятилетия-

ем раньше. Михаил Пришвин от острых вопросов повседневного бытия постепенно смещается к описаниям окружающей природы. Дневник нумизмата Алексея Орешникова обрывается с его смертью в 1933 году, москвич Иван Шитц прекращает записи и находит возможность отправить дневник за границу.

В создавшемся вакууме важную роль приобретают поденные записи и воспоминания обычных людей, ранее звёзд с неба не хвативших. Они чутко воспринимают происходящее вокруг, прислушиваются к мнению окружающих. Да, они сосредоточены на семейных проблемах, учебе или работе, здоровье близких, мелких передрыгах. Обретают голос выучившиеся грамоте рабочие и крестьяне, рассказывают о себе инженеры и железнодорожники, геологи и строители, пионеры и медработники.

Неожиданно выясняется, что и у них интересная жизнь! А еще они сообщают важные для историка подробности. Елена Константиновна Дмитриева, к примеру, описывает стадион «Динамо» и расположенные рядом с ним (ближе к современному ТТК) пруды. Мне сразу же ярко представляется эта картина, поскольку и я ходил на этот стадион, но не с бабушкой, а дедушкой. Помню аллею с фонтанами, ведущую от центрального входа вниз, к Малой арене, росшие вокруг раскидистые каштаны, пруды с глинистыми берегами, в которых судомоделисты запускали свои корабли, и расположенный поблизости бассейн. После войны семья моего отца ютилась в крохотной комнатке на улице Марины Расковой: дедушка каждый день отправлялся на работу на завод «Знамя труда», отец — на тренировку. Сначала на стадион «Юных пионеров», затем — в гимнастический зал под трибунами «Динамо». Они проходили мимо красивого особняка Судакова (его упоминает Дмитриева как «охотничий домик»), на месте которого сначала возникла асфальтированная автостоянка, а ныне вырос карикатурный уменьшенный «Эмпайр Стейт Билдинг».

Так воспоминания связывают между собой совершенно незнакомых людей, воссоздают топографическое пространство, обезображенное застройщиками и властями города. Они пригодятся последующим поколениям, заинтересованным в поиске собственных корней. Инструменты для исследований уже есть: это и архив старых фотографий rastvu.com, и проекты prozhito.org и memuarist.com, публикующие различные воспоминания.

Мне кажется, что человек начинает интересоваться прошлым — своей семьей, дома, страны — в более зрелом возрасте, когда с опытом у него возникают конкретные вопросы к устройству окружающего мира, появляется потребность в самоидентификации. Во время учебы на истфаке МГПИ имени Ленина на рубеже 1970-80-х годов мы тоже не задавались этими вопросами, заученно повторяя мантры из учебников по истории КПСС и СССР. Но порой что-то нарушало заведенный порядок вещей. К примеру, на экзамене по советской истории один

из наших преподавателей, проигнорировав вопрос о книге Брежнева «Малая земля», попросил спеть «Вставай, страна огромная».

Теперь понимаю: прорваться сквозь повседневность и зашоренность сознания позволяют семейные воспоминания. Кому вы поверите: официальной точке зрения, талдычащей из каждого утюга о том, что в стране было самое вкусное мороженое, или рассказам своих предков об очередях за хлебом в конце 1939 года?

Опубликованный в журнале «Пути России» рассказ Бориса Абрамовича Галицкого об эвакуации из Смоленска в начале Великой Отечественной войны поражает обыденностью, фотографической фиксацией немислимых в мирное время поступков. И в то же время цельностью характеров героев, которые не могут преступить собственные нравственные нормы. Например, взять с полок брошенного персоналом молочного магазина головки вкусно пахнущего сыра, который помог бы пережить голодные дни. Официальные сводки тех месяцев, скрывая масштаб катастрофы, умалчивают о массах людей, бегущих подальше от надвигающейся линии фронта. За кадром остаётся и охватившая население паника, и посильная помощь местных властей. В дневнике же мы читаем как на вокзал Смоленска, который вот-вот захватят немцы, подаются открытые платформы для эвакуации жителей, а в Пензе прибывших подвергают спасительной санобработке.

В Коканде, где завершается железнодорожный анабасис мемуариста, беженцев ожидает радушный прием. Но так было не у всех. Поэт Юрий Ряшенцев, рассказывая об эвакуации в Оренбург, часто употреблял прозвище «выковырянные», которым «награждали» приехавших в город уроженцев иных мест.

Конечно, приходится считаться с аберрацией изображенной мемуаристом реальности, вызванной давностью событий. Давно замечено, что особой «дальнозоркостью» обладают дети. Воспоминания Тамары Даниловны Григоренко наглядно иллюстрируют эту аксиому. Мне в них запомнился не полный драматизма сплав через страшный пережат, прозванный Людоед, а долгая череда дней, которые девочка проводила одна-одинёшенька, дожидаясь искавших золото родителей у холодной печки и наблюдая за бегавшими по полу серыми длинноносыми мышами. Более сытыми, чем она.

Работа исследователей с эго-документами в чем-то сродни с титаническими усилиями китайских археологов, раскапывавших терракотовую армию императора Цинь Шихуанди. Как же все были потрясены, обнаружив первые ряды грозных воинов! Но затем из тьмы веков стали проступать все новые и новые фигуры со своим особым выражением лиц, в различных раскрашенных доспехах. Несколько статуй вряд ли бы позволили потомкам составить всеобъемлющее представление об эпохе всесильного властителя. Целая армия — другое дело.

Можно использовать и более близкий соотечественникам пример.

Мемуары Лазаря Кагановича, Анастаса Микояна, Вячеслава Молотова, Климента Ворошилова, Никиты Хрущева и прочих сталинских царедворцев, несомненно, позволят составить представление о его правлении. Но не дадут представления о существовавшей за стенами Кремля реальности. О том, как жили наши бабушки, дедушки, отцы и матери, можно узнать только у них самих. Главное — успеть.

Alexander Kobelyatsky

Have time to ask about the past

Alexander Kobelyatsky is a freelance journalist and historian by education. Co-author of the books «The Ivanovs. The story of a famous sports family» (2017), «People of the 1920s. Contrary to Utopia» (2024). **E-mail:** kobe2001kobe@yandex.ru.

Annotation: The author's view of the emerging interest in the memoirs of people belonging to various social groups. The importance of preserving the handwritten and oral heritage of previous generations is emphasized both for the descendants of the author's family and for historians. Author suggested that an interest in the past is a property of mature citizens who have gained life experience. An assessment is given of the memoirs of Elena Dmitrieva, Boris Galitsky and Tamara Grigorenko published in The Journal of Russian Social Research and Ethnography (2024, No. 1).

Keywords: ego documents, family history, daily life, memoirs, diaries, journalism, Moscow, memoirs.